

ПАЗЛ

детективный триллер

Книга 5

Последний почтальон

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз
Последний почтальон

«Автор»

2026

Карадениз М.

Последний почтальон / М. Карадениз — «Автор», 2026

Тысячи писем. Сотни дверей. Один почтальон, который знает все пароли. Алексей Крайнов работает в старом спальном районе. Семь лет он разносит газеты и квитанции. Его работа — быть невидимым. Заходить, оставлять, уходить. Но однажды в его почтовом ящике появляется конверт без марки. Это не счёт. Не реклама. Это — предупреждение. Или угроза. Или приглашение в игру, в которой ставка — жизнь. Кто-то наблюдает за каждым его шагом. Кто-то знает о нём всё. Где он живёт, где работает, когда засыпает и когда просыпается. Кто-то оставляет послания в самых неожиданных местах — в кармане, на двери, под подушкой. Алексей понимает: он должен найти того, кто это делает. Или игра закончится самым страшным образом — его собственным именем в последнем конверте.

© Карадениз М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	5
ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ 1. ПИСЬМА ИЗ ПРОШЛОГО	10
ГЛАВА 1	10
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	16
ГЛАВА 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Последний почтальон

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ

Чужое письмо

Декабрьский ветер задувал в щель между дверью и косяком, и Алексей Крайнов машинально поправил воротник форменной куртки, хотя это не помогало. Холод проникал под одежду, оседал на позвонках, заставлял пальцы неметь даже в тонких перчатках, которые он купил на прошлой неделе в переходе у метро. Перчатки были дешёвыми, синтетическими, и он знал, что они всё равно не спасут, когда он будет доставать газеты и квитанции из промёрзших ящичков. Но других не было.

Он стоял в третьем подъезде дома №14, самого старого из всех семи домов микрорайона «Северный». Хрущёвка с облупившейся краской на стенах, с запахом мокрой штукатурки и кошачьей мочи в углах. Когда-то здесь было уютно — он слышал от стариков. Теперь это было просто место, где жили те, кому некуда было съехать. Те, кто ждал писем, квитанций и редких вестей от детей, уехавших в Москву или Питер.

Алексей работал здесь семь лет. Семь зим, семь летних духот, семь осенних листопадов, семь весенних потопов в подвалах, когда таял снег и вода заливала подземные коридоры. Он знал каждый этаж, каждую дверь, каждый почтовый ящик. Знал коды от каждой парадной — их меняли редко, раз в год, и старые жильцы диктовали новые друг другу шёпотом, как пароль. Алексей запоминал их автоматически: 4532 — у четырнадцатого дома, 2890 — у пятнадцатого, 1244 — у шестнадцатого. Семнадцатый, его собственный, где он снимал комнату на втором этаже, — 8910. Он помнил их все, как помнил, где какая квартира, кто там живёт, сколько лет, какие болезни у стариков, кто из молодых не платит за коммуналку и кто пишет заявления в управляющую компанию.

Сейчас он открывал ящик за ящиком, механически раскладывая газеты, квитанции, рекламные проспекты. Никто уже не писал писем. Раньше, лет десять назад, здесь ещё были конверты с марками и обратным адресом, треугольники, сложенные по старинке. Теперь — только счета и бесполезная бумага. Алексей иногда думал, что он не почтальон, а мусорщик. Он доставляет людям лишнюю бумагу, которую они через день выбрасывают.

Ящик №47, вторая секция, нижний ряд.

Алексей сунул руку внутрь, нащупал что-то, чего здесь быть не должно. Не квитанция — картон слишком плотный. Не газета — слишком тонкий, не тот формат. Он вытащил конверт.

Белый. Обычный. Без марки. Без обратного адреса.

Без подписи.

Он перевернул конверт, посмотрел на свет. Внутри — бумага. Один лист.

Алексей оглянулся. Подъезд был пуст. Лампочка на первом этаже мигала, раздражая глаз — то горит ярко, то гаснет на секунду, и тогда лестница проваливалась в темноту. Где-то сверху хлопнула дверь. Кто-то кашлянул — глухо, надрывно, по-стариковски.

Он вскрыл конверт. Пальцы дрожали — то ли от холода, то ли от непонятого предчувствия. Внутри оказался листок, вырванный из школьной тетради в клетку. На листке — одна строка, выведенная аккуратным, даже слишком правильным почерком. Буквы были ровными, без наклона, почти каллиграфическими.

«Валентина Павловна Соболева — 16 декабря, 22:14»

Алексей уставился на строчку. Он знал это имя. Валентина Павловна Соболева, квартира 47, третий этаж, пенсионерка, восемь лет назад похоронила мужа, двое детей в Москве, приезжают раз в год на Новый год. Она была одной из его постоянных клиенток. Не то чтобы она получала много писем — скорее, она всегда ждала его, чтобы спросить, нет ли ей весточки от сына. Он всегда говорил «нет», и она вздыхала, уходила в комнату и закрывала дверь.

16 декабря.

Сегодня — 18 декабря.

Дата прошла.

Алексей посмотрел на часы. Наручные, старые, с потёртым циферблатом. 10:23 утра. Третьего дня назад, в 22:14 вечера, Валентина Павловна Соболева...

Он не знал, что «22:14» значило. Время смерти? Время, когда что-то должно было случиться? Он сунул письмо в карман куртки и посмотрел на ящик №47. Оттуда уже не пахло бумагой. Оттуда ничем не пахло.

Он вышел из подъезда, обошёл дом, поднялся на третий этаж по лестнице — лифт в доме не работал уже два года. Подошёл к квартире 47.

Дверь была обычной — старой, деревянной, обитой дерматином, который когда-то был коричневым, а теперь стал серым и потрескавшимся. Замок — старый, сувальдный, который легко открыть связкой ключей, если знать, как. Но Алексей не был взломщиком. Он был почтальоном.

Он позвонил.

Внутри тишина. Ни шагов, ни шарканья тапочек, ни кашля. Он нажал на звонок ещё раз, подержал пальцем дольше. Звонок дребезжал, как больной, звук отдавался от стен, уходил в никуда.

И тогда Алексей уловил запах.

Слабый. Почти неуловимый. Запах газа, который смешивался с запахом старого дерева, пыли и сырости. Или ему казалось? Он принюхался — запах был. Или нет. Ветер гулял по лестнице, и запах то появлялся, то исчезал.

Он достал телефон. Набрал 112. «В квартире №47 по адресу дом 14, улица Мира, подозрение на утечку газа. Жилец не отвечает». Голос был ровным, будто он делал это каждый день.

Через двадцать минут приехали. Полиция, пожарные, газовая служба. Вскрыли дверь — и запах ударил в лицо. Но не газ. Газом там и не пахло. Запах был другой, и Алексей понял это, когда его не пустили внутрь, а велели ждать внизу.

Он ждал. Стоял у подъезда, курил — хотя не курил уже три года, просто держал сигарету в пальцах, смотрел на дым, улетающий в хмурое декабрьское небо. Ждал, когда выйдет участковый, который всё равно не стал бы ему ничего говорить.

Иван Григорьевич Тихонов вышел через двадцать пять минут. Он был невысоким, плотным, с усами, с вечно уставшими глазами. Он посмотрел на Алексея как на мебель, потом спросил:

«Ты звонил?»

«Я».

«Зачем?»

«Запах газа. Решил проверить».

Тихонов кивнул. Закурил свою сигарету, подумал, потом сказал:

«Валентина Павловна мертва. Сердечный приступ. Похоже, она умерла у себя на кухне, упала лицом в стол. Врач скажет точное время, но ориентировочно — шестнадцатое, вечер. Часов около десяти».

22:14.

Алексей не моргнул. Он стоял, смотрел на Тихонова, и в голове прокручивалось единственное слово. 22:14. 16 декабря.

«Естественная смерть?» — спросил он, и голос прозвучал слишком ровно.

«А что же ещё? Сердечный приступ. Соседи говорят, она была слабая, пила таблетки. Не первый раз сердце прихватывало».

«Понятно».

Тихонов докурил, раздавил бычок о стену, бросил в урну. Посмотрел на Алексея с лёгким подозрением, но быстро — потому что Алексей не был интересен. Он был почтальоном. Их не замечают. Они как воздух.

«Иди работай», — сказал Тихонов. — «Тут и без тебя хлопот полно».

Алексей ушёл.

Он не сказал про письмо.

Он не знал, почему не сказал. Может быть, потому что Тихонов не спросил. Может быть, потому что внутри него что-то сжалось — холодное, липкое, необъяснимое. Письмо в его кармане жгло грудь, хотя оно было просто бумагой.

Он разнёс оставшиеся газеты, раздал квитанции, проверил ящики в четырнадцатом, пятнадцатом, шестнадцатом домах. На всё про всё ушло три часа. В четыре часа дня он закончил и пошёл домой.

Его собственный дом — семнадцатый, вторая парадная. Код 8910. Он набрал его, вошёл, поднялся на второй этаж, прошёл по коридору мимо дверей соседей, которых почти не знал. Открыл свою квартиру — комнату в коммуналке, кухня и туалет общие, но он привык.

Зашёл в комнату, закрыл дверь. Скинул куртку. Достал письмо из кармана, разложил на столе. Строчка. Аккуратный почерк. Фамилия, дата, время. И ничего больше.

Он стоял и смотрел на письмо, как будто оно могло само собой объясниться. Но оно молчало. Бумага молчала.

И тут он понял.

Он не заглядывал в свой почтовый ящик сегодня утром. Забыл. Он поставил сумку, вытащил ключи от ящика — маленький, старый ключ, — и вышел в коридор. Спустился на первый этаж, подошёл к своему ящику. Своё имя на табличке, номер 12. Внутри — тишина.

Он открыл ящик.

Внутри лежал конверт.

Белый. Обычный. Без марки.

Без обратного адреса.

Алексей вытащил его дрожащими руками. Пальцы уже не слушались. Он вскрыл конверт, заглянул внутрь. Один лист. Тот же почерк. Те же аккуратные, почти печатные буквы.

«Сергей Николаевич Зотов — 20 декабря, 23:47»

Завтра — 19 декабря.

Завтра — 19 декабря, а 20 декабря, в 23:47, умрёт Сергей Николаевич Зотов. Он жил в пятнадцатом доме, квартира 32. Водитель такси, одинокий, худой, вечно кашлял. Алексей приносил ему письма, редкие, от старшей сестры из Саратова.

Он стоял в коридоре, сжимая два письма в руках.

Одно — прошлое.

Одно — будущее.

И вдруг он понял.

Кто-то знал, что он нашёл первое письмо. Кто-то знал, где он живёт. Кто-то знает о втором.

Кто-то следит за ним.

Кто-то даёт ему второе предсказание.

Или — может быть, он сам себя разыгрывает? Может быть, он сошёл с ума? Может быть, в его голове что-то сломалось после стольких лет одиночества, тишины и пустых ящиков?

Может быть, он сам написал эти письма и забыл об этом?

Алексей смотрел на конверты. Они не были его почерком. Он знал свой почерк — кривой, торопливый, буквы разного размера. Здесь всё было ровно. Аккуратно. Слишком правильно.

Он подошёл к окну своей комнаты. Отодвинул штору. Внизу, во дворе, было пусто. Только снег. Только фонарь, который мигал, как тот, что в подъезде. И тень.

Тень у фонаря?

Он прищурился.

Тень стояла неподвижно, хотя снег падал, и ветер гнал его в сторону. Тень — человека. Человек в тёмном пальто. Он стоял и смотрел вверх.

На окно Алексея.

На его окно.

Алексей отшатнулся, отдернул штору, прижался спиной к стене.

Сердце стучало. Он слышал его в висках, в груди, в пальцах, которые всё ещё держали письма.

Он перечитал второе письмо ещё раз.

«Сергей Николаевич Зотов — 20 декабря, 23:47»

Он вышел на кухню, налил себе воды. Руки тряслись. Он посмотрел в окно кухни, но со второго этажа было видно только крышу соседней парадной.

Кто ты? — спросил он у пустой комнаты.

Тишина.

Он зашёл обратно в свою комнату, посмотрел на тумбочку. Там лежал блокнот. Он подошёл, взял его, пролистал. Страницы были чистыми, только первая была исписана его каракулями — список адресов. Он открыл чистый лист, взял ручку, написал: «Сергей Николаевич Зотов — предупредить».

Потом зачеркнул.

Потом написал: «Кто следит за мной?»

Никто не ответил.

Он сел на кровать, сжал письма в руках и закрыл глаза.

Когда он откроет их, всё будет по-прежнему. Снег. Фонарь. Тень.

Или ничего не будет.

Или он сойдёт с ума.

Алексей открыл глаза.

Всё было по-прежнему. Только в руке он всё ещё сжимал два конверта. И надпись на втором впивалась в его сознание, как заноза.

Сергей Николаевич Зотов.

20 декабря, 23:47.

Завтра.

ЧАСТЬ 1. ПИСЬМА ИЗ ПРОШЛОГО

ГЛАВА 1

Алексей проснулся в пять утра.

Он не слышал будильника — он проснулся сам, резко, будто кто-то дёрнул его за плечо. В комнате было темно. Свет уличного фонаря пробивался сквозь тонкую штору, отбрасывая на потолок жёлтое пятно. За окном — тишина. Ни машин, ни голосов, только ветер, который гулял между пятиэтажками и завывал в щелях старых окон.

Алексей сел на кровати и сразу же посмотрел на тумбочку.

Два конверта лежали там, где он их оставил. Белые. Обычные. Без марок.

Он взял верхний, открыл его в третий раз за ночь. Строчка. Аккуратный почерк. «Сергей Николаевич Зотов — 20 декабря, 23:47».

Сегодня — 19 декабря.

У него было меньше двух суток.

Он отложил письмо, потёр лицо ладонями. Щетина колола пальцы. Он не брился вчера, не ужинал, не смотрел телевизор. Он просто сидел на кровати и смотрел на письма, пытаясь понять, кто и зачем это сделал. Ничего не приходило в голову. Только пустота и тихий, нарастающий холод внутри.

Он встал, пошёл на общую кухню, налил воды из чайника. Вода была тёплой, с металлическим привкусом. Он выпил стакан, потом второй. За окном кухни — чёрный двор, фонарь, тень под фонарём. Тени не было. Или он просто не хотел её видеть.

Он вернулся в комнату, оделся. Форменная куртка, тёплые штаны, ботинки, которые просили замены уже второй год. Шапка — старая, вязаная, с вытянутым козырьком. Он взял сумку, перекинул через плечо, проверил, что внутри лежат газеты и квитанции, которые он приготовил с вечера.

Потом он взял письма.

Он не знал, зачем берёт их с собой. Просто не хотел оставлять их здесь, в пустой комнате, где они могли исчезнуть или оказаться в чьих-то руках. Он сунул их во внутренний карман куртки — рядом с сердцем, хотя это была всего лишь бумага.

Выйдя из подъезда, он оглянулся. Двор был пуст. Только снег, припорошивший тротуары. Только следы от шин на дороге. Ни одной фигуры в тёмном пальто.

Почта находилась через три дома, в здании, которое когда-то было продуктовым магазином. Теперь там были только стойка, сейф и несколько стеллажей с невостребованными письмами. Запах бумаги, картона, пыли и офисной техники — принтеры, которые печатали квитанции без остановки.

Антон Королёв уже сидел за столом, когда Алексей вошёл. Королёв был начальником отделения, худым мужчиной лет сорока с вечно недовольным лицом. Он носил очки с толстыми линзами и всегда смотрел поверх них, как будто всё, что находилось ниже его уровня, не заслуживало внимания.

— Ты опоздал, — сказал Королёв, даже не подняв головы. Он что-то печатал в компьютере, пальцы стучали по клавиатуре нервно и быстро.

— На две минуты, — ответил Алексей.

— На пять. Я считал.

Алексей не стал спорить. Он прошёл к своему месту, поставил сумку, начал сортировать газеты. Руки работали сами собой, механически, а мысли всё ещё крутились вокруг писем.

Королёв продолжал что-то бормотать — о плане, о нормативах, о том, что у Алексея в прошлом месяце было три жалобы от жильцов на задержки. Алексей слушал вполуха. Он смотрел на входную дверь, ожидая, когда появится Виталий.

Виталий Морозов пришёл через десять минут. Он был вторым почтальоном на этом участке, сменщиком Алексея. На вид — лет тридцать, крепкий, улыбчивый, с вечно румяными щеками. Он всегда здоровался громко, хлопал Алексея по плечу, рассказывал анекдоты, которые никто не запоминал.

Сегодня он вошёл тихо.

— Привет, — сказал Виталий, не глядя на Алексея. Он поставил свою сумку на соседний стол, начал перебирать бумаги. Он улыбался — но улыбка была странной, натянутой, как у человека, который хочет казаться весёлым, но не может.

— Привет, — ответил Алексей.

Виталий не повернулся. Он смотрел в свою сумку, что-то перекладывал, хотя там, казалось, ничего не было.

— Как дела? — спросил Алексей.

— Нормально, — ответил Виталий слишком быстро. — Всё хорошо.

И замолчал.

Алексей смотрел на него. Виталий всегда рассказывал, как дела. Как его жена снова приготовила борщ, как его дочка получила пятёрку, как он вчера смотрел футбол и пил пиво. Сегодня он не сказал ничего.

Алексей хотел спросить что-то ещё, но Королёв поднял голову:

— Морозов, ты вчера не сдал отчёт по пятому дому.

— Сдам сегодня, — ответил Виталий, не глядя на начальника.

— Ты должен был сдать вчера.

— Я сказал, сегодня.

Королёв фыркнул, но ничего не сказал. Он вообще редко спорил с Виталием — у того была привычка быстро разряжать конфликты шутками. Но сегодня он не шутил.

Алексей закончил сортировку, закинул сумку на плечо и вышел из отделения. Виталий остался внутри — Алексей слышал, как Королёв что-то говорил ему, а Виталий отвечал тихо, почти шёпотом.

Он дошёл до первого подъезда четырнадцатого дома, набрал код, зашёл внутрь. В подъезде было холодно. Лампочка, которая мигала вчера, сегодня горела ровно — её заменили. На лестнице пахло сыростью и табаком. Где-то сверху играла музыка, глухо, через старый магнитофон.

Алексей начал раскладывать газеты. Ящик за ящиком, номер за номером. Механическая работа, которая не требовала мыслей. У него в голове крутились письма, фигура в тёмном пальто, дата — 20 декабря. Он не знал, что делать. Предупредить Сергея Зотова? Сказать ему, что кто-то предсказал его смерть через два дня? Он представил, как это будет звучать: «Здравствуйте, Сергей Николаевич, я принёс вам газету и, кстати, кто-то написал мне письмо, что вы умрёте завтра в 23:47». Сергей Зотов подумает, что он сумасшедший.

Или не подумает? Что, если он сам уже получал письмо?

Алексей замер.

Он сунул руку во внутренний карман куртки. Письма были там — два конверта, холодные от мороза. Он потрогал их пальцами, убеждаясь, что они не исчезли. Потом достал руку и полез в другой карман, наружный, где обычно лежали ключи и мелочь.

Его пальцы нащупали что-то.

Бумага.

Конверт.

Он не клал его туда. Он точно помнил, что вчера в этом кармане ничего не было. Только ключи от дома, от ящика и мелочь на хлеб.

Он вытащил конверт.

Белый. Обычный. Без марки.

Без обратного адреса.

Алексей стоял в подъезде, сжимая третий конверт в руках, и чувствовал, как холод, уже не уличный, а внутренний, пронизывал его до костей. Он не помнил, как этот конверт попал в его карман. Может быть, он просто не заметил? Может быть, он положил его туда сам, во сне, когда бродил по квартире?

Он вскрыл конверт дрожащими пальцами.

Внутри — листок. Тот же почерк. Те же аккуратные, почти печатные буквы.

«Ты уже понял, что это правда. Не мешай. Это не твоя война».

Алексей прочитал строку трижды.

"Ты уже понял, что это правда."

Кто-то знал, что он проверял дату. Кто-то знал, что он не спал всю ночь. Кто-то знал, что он переживает о письмах.

"Это не твоя война."

Алексей сжал конверт в кулаке. Бумага хрустнула, но не порвалась. Он сунул письмо обратно в карман, застегнул куртку и вышел из подъезда.

На улице было темно. Снег падал на плечи, на шапку, на сумку с газетами. Алексей посмотрел на часы — 10:23 утра.

Он стоял у подъезда и не знал, куда идти.

К Сергею Зотову? Предупредить его?

Найти того, кто написал эти письма?

Сдаться полиции?

Он посмотрел на окна второго этажа, где жила Валентина Павловна Соболева. Там было темно. Занавески задёрнуты. Внутри никого. Полиция уже всё забрала, что могла. Алексей знал, что её квартира будет стоять пустой несколько месяцев, пока наследники не решат, что с ней делать.

Он перевёл взгляд на дом напротив, на пятнадцатый.

Там жил Сергей Николаевич Зотов.

Он не знал, что его ждёт через два дня.

Но он знал, что письмо уже было написано.

И кто-то, кто мог убить Валентину Павловну, уже готовился убить его.

Алексей засунул руки в карманы и пошёл в сторону пятнадцатого дома, оставляя на снегу следы, которые скоро заметёт.

ГЛАВА 2

Алексей остановился у дверей пятнадцатого дома, но не вошёл. Сергей Зотов будет ждать. До двадцатого декабря ещё целый день, почти двое суток. Сейчас было важнее другое — понять, как умерла Валентина Павловна. Не по официальной версии, не по словам Тихонова, а по-настоящему.

Он развернулся и пошёл обратно к четырнадцатому дому.

В подъезде по-прежнему пахло сыростью и табаком. Лампочка горела ровно, без мигания, и в этом было что-то неправильное — будто дом пытался казаться нормальным, хотя внутри него только что умер человек.

Алексей поднялся на третий этаж. Квартира Валентины Павловны была опечатана — красная лента на дверной ручке, бумажка с подписью участкового. Он постоял перед дверью секунду, прислушался. Тишина. Ни звука. Только ветер за окном на лестничной клетке.

Он повернулся к соседней двери. Квартира 45. На табличке — «Галина Степановна Ковалёва». Он помнил её — невысокую полную женщину лет семидесяти, с вечно мокрой тряпкой в руках. Она мыла полы в подъезде каждую субботу, хотя это не входило в её обязанности. Говорила, что «порядок должен быть», и смотрела на всех с лёгким неодобрением.

Алексей позвонил.

Дверь открылась не сразу. Сначала он услышал шарканье тапочек, потом — звон цепочки, потом — скрип замка. Галина Степановна выглянула в щель, прищурилась, узнала его и открыла шире.

— А, Лёша-почтальон, — сказала она. Голос у неё был низкий, с хрипотцой. — Ты по делу или так?

— По делу, Галина Степановна, — ответил Алексей. — Можно войти?

Она подумала секунду, потом кивнула и отошла в сторону.

В квартире пахло старыми вещами, нафталином и чем-то сладким — может быть, пирогами, может быть, духами. Галина Степановна жила одна, как и большинство пожилых в этом доме. Муж умер десять лет назад, дети уехали в другой город и почти не звонили.

Она провела его на кухню, усадила за стол, поставила перед ним кружку с чаем. Алексей не хотел пить, но взял кружку, чтобы не обидеть.

— Что случилось? — спросила она, садясь напротив. — По поводу Валентины Павловны?

Алексей кивнул.

— Я хочу спросить, не слышали ли вы чего-нибудь в тот вечер. Шестнадцатого декабря. Примерно около десяти часов вечера.

Галина Степановна нахмурилась. Она смотрела в окно, за которым темнело декабрьское небо, и молчала. Алексей ждал.

— Слышала, — сказала она наконец. — Я как раз ложилась спать. Уже зубы почистила, уже в кровати лежала. И вдруг — шаги.

— Шаги?

— Да. В подъезде. Кто-то поднимался. Медленно так, не торопясь. Я сначала подумала — кто-то из соседей поздно вернулся. Но шаги остановились на нашей площадке.

Алексей напрягся.

— На третьем этаже?

— Да. Я слышала, как они затихли прямо у дверей. Я подумала, что это к Валентине Павловне. Или к кому-то из нас. Но звонка не было. Просто стояли.

— Сколько времени это длилось?

— Не знаю. Минуту. Может быть, две. Я лежала и слушала. Потом шаги стали удаляться. Вниз. Очень тихо, почти беззвучно. Как будто человек старался не шуметь.

Алексей поставил кружку на стол.

— Вы не выглянули?

— Нет. Я испугалась. Знаете, у нас тут район спокойный, но мало ли. Я подумала — если там кто-то чужой, лучше не привлекать внимания.

— А лицо вы не видели? Может быть, в глазок?

Галина Степановна покачала головой.

— Я не смотрела. Думала, что это кто-то из соседей. А утром узнала, что Валентина Павловна умерла. Я и подумала — может, тот человек был как-то связан?

— Вы рассказали полиции?

— Нет. Они не спрашивали. Сказали — сердечный приступ, естественная смерть. Зачем им мои шаги?

Алексей кивнул. Он поднялся, поблагодарил Галину Степановну за чай и за рассказ, и вышел в коридор. Но у двери остановился.

— Галина Степановна, — сказал он. — А код на подъездной двери меняли недавно?

Она удивилась вопросу.

— Меняли. На прошлой неделе. Управляющая компания прислала бумажку, сказали, что старый код взломали, нужен новый. Новый код знают только жильцы, ну и почтальоны, конечно. Мы записывали его на листочках, раздавали друг другу.

— Какой код?

— 4532. Только вы и так знаете, Лёша.

Он знал. Он знал этот код. Но дело было не в этом. Дело было в том, что если кто-то проник в подъезд в тот вечер — убийца или отправитель писем, — то этот кто-то должен был знать новый код. Потому что старый код, который знали все курьеры и случайные прохожие, был изменён. А новый код знали только жильцы и два почтальона — он сам и Виталий.

Алексей вышел на лестничную площадку и посмотрел на кодовый замок.

Маленькая коробочка с цифрами, прикрученная к косяку. Она была новой, блестящей, без царапин. Алексей подошёл ближе, провёл пальцем по кнопкам. 4-5-3-2. Он набрал код, замок щёлкнул, дверь открылась.

Он закрыл её обратно и прислонился спиной к стене.

Новый код знали только жильцы и почтальоны.

Он сам — почтальон.

Виталий Морозов — второй почтальон.

И жильцы — Валентина Павловна, Галина Степановна, и ещё два десятка человек, которые жили в этом доме.

Кто-то из них знал код.

Кто-то из них стоял под дверью Валентины Павловны 16 декабря в 22:14.

Кто-то из них написал письма.

Алексей посмотрел на закрытую дверь подъезда, на снег, который падал за стеклом, и понял: он не ищет убийцу со стороны. Убийца здесь, внутри. Он — один из тех, кого Алексей видел каждый день. Один из тех, кому он приносил газеты и квитанции. Один из тех, кто знал, где он живёт, и кто мог сунуть конверт в его карман.

Кто-то из своих.

Алексей вышел на улицу, и снег сразу же начал засыпать его плечи и шапку. Он достал из кармана третье письмо, перечитал его ещё раз. «Это не твоя война».

Он посмотрел на окна четырнадцатого дома. В одном из них, на пятом этаже, горел свет. Кто-то смотрел на улицу. Он не видел лица — только тень за занавеской.

Тень стояла неподвижно.

И смотрела на него.

Алексей сунул письмо обратно в карман и быстро пошёл прочь, чувствуя, как чей-то взгляд сверлит спину.

ГЛАВА 3

Алексей свернул за угол и остановился. Он перевёл дыхание. Снег падал на лицо, таял на щеках. Он не знал, сколько времени прошло с того момента, как он увидел тень в окне, — может быть, минута, может быть, две. Ему казалось, что кто-то идёт за ним, но когда он обернулся, улица была пуста. Только снег. Только следы, которые ветер уже начал заметать.

Управляющая компания находилась в соседнем квартале, в старом двухэтажном здании, которое когда-то было детским садом. Теперь там висела вывеска «ЖЭУ-5» и пахло хлоркой и казённой бумагой. Алексей вошёл внутрь, стряхнул снег с куртки и подошёл к стойке.

За стойкой сидела женщина лет пятидесяти с седыми волосами, собранными в пучок. Она смотрела в монитор и, казалось, дремала — глаза у неё были полузакрыты, а пальцы неподвижно лежали на клавиатуре. Алексей прокашлялся. Она не отреагировала. Он прокашлялся громче.

— Слушаю, — сказала она, не открывая глаз.

— Мне нужна информация по заявке на смену кода в четырнадцатом доме.

Женщина открыла один глаз, посмотрела на Алексея, потом закрыла обратно.

— Вы кто?

— Почтальон. Алексей Крайнов. Я обслуживаю этот дом.

— У вас есть официальный запрос?

— Нет. Это неофициально. Просто хочу понять, кто подавал заявку.

Женщина вздохнула, открыла глаза и уставилась на него с лёгким раздражением. Она явно не любила, когда её отрывали от ничегонеделания.

— Заявка подавалась от жильцов. Кто именно — не помню. Там подпись неразборчивая, инициалы какие-то. У нас таких заявок десятки. Меняем коды, когда жильцы жалуются, что старый код знают все. Курьеры, доставщики пиццы, кто угодно. Это стандартная процедура.

— Но подпись должна быть.

— Подпись есть. Но я вам её не дам. Это конфиденциальная информация.

— Мне просто нужно понять, кто подавал заявку.

— А вам зачем?

Алексей замешкался. Он не мог сказать правду. Он не мог сказать, что нашёл письма с предсказаниями смерти. Это звучало бы безумно.

— Я хочу проверить, всё ли правильно. Мне показалось, что код сменили слишком внезапно. Старый код работал нормально.

Женщина покачала головой.

— Вы не первый, кто спрашивает. На прошлой неделе уже приходил мужчина, интересовался тем же домом. Тоже говорил про код. Тоже хотел увидеть заявку.

Алексей замер.

— Мужчина? Как он выглядел?

— Не помню. Высокий, в тёмном пальто. Задавал те же вопросы, что и вы. Я ему сказала то же самое — конфиденциально. Он ушёл.

Алексей почувствовал, как холод снова пробежал по спине. Высокий мужчина в тёмном пальто. Тот же, кого он видел у фонаря. Тот же, чья тень стояла в окне. Тот же, кто, возможно, оставил письма.

— Когда он приходил?

— В пятницу. На прошлой неделе, за день до того, как мы поменяли код. Он сказал, что он из отдела безопасности управляющей компании, но я не проверяла. У нас таких отделов нет.

Женщина снова закрыла глаза и отвернулась к монитору, давая понять, что разговор окончен.

Алексей вышел из управляющей компании на улицу. Снег валил сильнее. Ветер задувал в лицо, и он прищурился, глядя вперёд. Перед входом, у самого крыльца, стоял высокий мужчина в тёмном длинном пальто. Он смотрел в телефон, держа его в правой руке. Лица не было видно — его скрывала поднятая шапка-ушанка и воротник.

Алексей остановился. Сердце забилося быстрее.

Он сделал шаг вперёд. Мужчина не поднял головы, продолжал смотреть в экран. Алексей сделал ещё шаг — и в этот момент сзади проехала машина, заляпав его снегом с грязью. Он отвернулся, стряхнул с куртки мокрые комья, а когда снова поднял глаза — мужчины не было.

Только пустое крыльцо. Только следы на снегу, ведущие в сторону переулка. Только телефонный звонок, который внезапно раздался в его кармане.

Алексей вздрогнул. Он достал телефон, посмотрел на дисплей. Неизвестный номер. Он нажал «Ответить».

— Аллю.

— Ты был в управляющей компании, — сказал голос. Мужской, низкий, с лёгкой хрипотцой. — Тебя там заметили. Я бы не советовал тебе продолжать.

— Кто это? — спросил Алексей, оглядываясь.

— Я тот, кто написал письма. Я предупреждаю тебя в последний раз. Не мешай. Или следующее письмо будет с твоим именем.

— Ты убил Валентину Павловну?

— Я ничего не убивал. Я просто знаю, когда люди умирают. Это не я. Это они сами. Я только пишу письма.

— Как ты узнаёшь?

— Ты не хочешь этого знать. Просто забудь. Работай, разноси газеты, живи своей жизнью. Или умри вместе с ними.

Голос замолчал. Алексей посмотрел на экран — звонок оборвался. Он перезвонил на этот номер. Абонент был недоступен.

Он стоял посреди улицы, сжимая телефон в руке, и смотрел на следы, которые вели в переулок. Снег уже начал заметать их. Через пять минут их не будет вовсе.

Кто-то знал, что он пошёл в управляющую компанию. Кто-то видел его там. Кто-то предупредил его по телефону, не дав себя рассмотреть.

Или это был тот самый мужчина в тёмном пальто, который стоял у крыльца и смотрел в телефон? Тот же, кто смотрел на него из окна? Тот же, кто оставил письма?

Алексей засунул телефон в карман и пошёл обратно в свой микрорайон. Он знал одно: тот, кто писал письма, не хотел, чтобы он лез в это дело. Он не хотел, чтобы Алексей узнал правду. И он был готов сделать всё, чтобы остановить его.

Даже если это означало, что следующее письмо будет с именем Алексея Крайнова.

ГЛАВА 4

Алексей шёл по улице, сжимая телефон в кармане. Голос из трубки всё ещё звучал в ушах. "Следующее письмо будет с твоим именем." Он не знал, была это угроза или предупреждение. Но он знал одно: остановиться он уже не мог.

Он достал свой старый кнопочный телефон и открыл контакты. Рита Уманская. Он сохранил её номер год назад, когда она приезжала на каникулы и просила пересылать письма матери на её адрес в общежитии. Он тогда подумал: хорошая дочь, заботится о матери. Теперь он думал о другом.

Он набрал номер. Длинные гудки. Потом женский голос, молодой, уставший:

— Алло?

— Рита? Это Алексей Крайнов. Почтальон. Мы с вами общались год назад.

Пауза. Потом тихо:

— Да, я помню. Что-то случилось?

Алексей замялся. Он не знал, как сказать это. Сказать по телефону, что её мать мертва, было неправильно. Но он не мог ждать.

— Рита, я должен вам сказать... Ваша мать умерла. Шестнадцатого декабря. Сердечный приступ.

Тишина. Долгая, тягучая. Потом всхлип — и снова тишина.

— Что? — голос дрогнул. — Как? Я... я только что говорила с ней в прошлую субботу. Она была нормальная. Она сказала, что всё хорошо.

— Я знаю. Мне очень жаль. Мне нужно поговорить с вами. Это важно. По поводу того, что случилось.

— Ты — почтальон. Какое тебе дело до моей матери?

— Я нашёл кое-что. Письмо. Я не могу объяснить по телефону. Можно мне приехать?

Рита молчала. Алексей слышал её дыхание, тяжёлое, прерывистое. Потом она сказала:

— Я в общежитии. Медицинститут, улица Ленина, корпус два. Комната 315. Приезжай.

Она сбросила вызов.

Общежитие медицинского института находилось в получасе ходьбы от микрорайона «Северный». Алексей прошёл через парк, через ледяной сквер, мимо остановок и киосков. Ветер дул в лицо, снег забивался в воротник, но он почти не чувствовал холода. В голове прокручивались голоса, лица, даты. 16 декабря. 20 декабря. Письма. Тень у фонаря. Мужчина в тёмном пальто.

Общежитие было старой, обшарпанной, с запахом дешёвого шампуня и варёной капусты. Вахтёрша на входе — полная тётка с перманентом — долго не хотела его пускать, но он показал удостоверение почтальона, и она махнула рукой: «Пятый этаж, лифт не работает».

Он поднялся по лестнице. Где-то играла музыка, громкая, через дешёвые колонки. Где-то ругались девчонки. Пахло сигаретами и духами.

Комната 315 была в конце коридора. Он постучал. Дверь открылась — и перед ним стояла Рита.

Она была маленькой, хрупкой, с тёмными волосами, собранными в небрежный хвост. Глаза красные, щёки мокрые. На ней была старая растянутая кофта и джинсы. Она выглядела так, будто плакала всё время, пока он шёл сюда.

— Заходи, — сказала она, отворачиваясь.

Комната была крошечной — кровать, стол, шкаф. На столе — учебники по анатомии. За окном — снег и серое небо. Рита села на кровать, обхватила себя руками. Алексей стоял у двери, не зная, куда сесть. Он чувствовал себя чужим здесь, непрощённым.

— Рассказывай, — сказала Рита, не глядя на него. — Что за письмо?

Алексей достал из внутреннего кармана конверты. Все три. Он положил их на стол перед ней.

— Я нашёл первое письмо в ящике вашей матери. 18 декабря. В нём была дата и время — 16 декабря, 22:14. Я пошёл проверить. Ваша мать была мертва. Врач сказал — сердечный приступ в это время.

Рита подняла глаза. Она смотрела на письма, потом на Алексея, потом снова на письма.

— Ты хочешь сказать, что кто-то предсказал её смерть?

— Второе письмо пришло в мой собственный ящик. Третье я нашёл в кармане куртки сегодня утром. В них написаны даты. Второе — Сергей Зотов, 20 декабря, 23:47. Это завтра.

— Сергей Зотов? — переспросила Рита. — Я не знаю такого.

— Он живёт в пятнадцатом доме. Водитель такси. Я хочу его предупредить. Но сначала я должен понять, кто пишет эти письма.

Рита взяла первое письмо, посмотрела на строчку. Потом второе. Третье. Она читала их медленно, водя пальцем по строчкам. Лицо у неё было бледным, губы дрожали.

— И ты думаешь, что это убийца? — спросила она тихо.

— Я не знаю. Может быть, кто-то просто знает, когда люди умрут. Может быть, это не убийства. Может быть... я не знаю.

— Ты показывал это полиции?

— Нет. Участковый Тихонов сказал, что смерть естественная. Он не стал бы слушать.

Рита кивнула. Она отложила письма и посмотрела в окно. За окном падал снег, медленно, как в старом кино. Она молчала долго, и Алексей уже думал, что она не скажет ничего, когда вдруг она прошептала:

— Подожди. Я вспомнила.

— Что?

— Моя мать. За неделю до своей смерти она звонила мне. Я была на лекции, но она всё равно позвонила. Сказала, что к ней приходил почтальон. Я спросила, зачем, и она сказала — принёс странную бумагу. Я не придавала значения. Но она сказала, что бумага была без подписи. Или без марки. Я уже не помню точно.

— Почтальон? Это был я?

Рита покачала головой.

— Нет. Она сказала — не ты. Другой. Она сказала, что он был высокий и молодой. Но она не запомнила лицо. Она сказала... — Рита зажмурилась, вспоминая. — Она сказала, что бумага была похожа на письмо. Но без обратного адреса. И внутри была только одна строчка. Она не поняла, что это значит.

Алексей застыл.

— Она сказала, что это был не я. Другой почтальон.

— Да. Другой. Я подумала, что это ошибка. Что это кому-то другому. Но мать была уверена, что бумагу принесли именно ей.

Алексей смотрел на Риту, и в голове прокручивались имена. Почтальонов в их отделении было двое. Он и Виталий. Виталий Морозов.

Высокий, молодой, всегда улыбчивый.

Или не всегда. Сегодня он не улыбался. Сегодня он избегал зрительного контакта. Сегодня он вёл себя так, будто что-то скрывал.

— Ты уверена, что это был не я? — спросил Алексей.

— Да. Мать описала его. Она сказала — высокий, светлые волосы. У тебя тёмные.

Алексей кивнул.

Высокий, светлые волосы. Виталий Морозов.

Виталий, который знал все коды. Виталий, который мог знать, когда Валентина Павловна умрёт. Виталий, который работал в том же отделении и имел доступ к тем же ящикам.

Виталий, который пришёл сегодня на работу с натянутой улыбкой и не смотрел в глаза. Алексей почувствовал, как холод пробежал по позвоночнику.

— Рита, — сказал он. — Ты запомнила, что это был за день? Когда мать звонила тебе?

— Вторник. За неделю до смерти. Шестого декабря.

— Это было до того, как сменили код?

— Я не знаю про код. Я знаю только, что она сказала: пришёл чужой почтальон и принёс странную бумагу. Она не поняла, зачем. Она хотела выбросить её, но передумала. Она сказала, что спрячет её.

— Спрячет? Где?

— Не знаю. Она не сказала. Я спросила, зачем прятать бумагу, а она сказала: «Мало ли». Она всегда так делала. Она прятала всё, что казалось ей странным. Квитанции, письма, даже старые открытки.

Алексей встал. Он посмотрел на Риту.

— Мне нужно найти эту бумагу. Где она могла её спрятать?

Рита покачала головой.

— Я не знаю. Может быть, в квартире. В старом шкафу. Или под половицей. Она всегда прятала вещи в старом шкафу, за книгами.

Алексей уже шёл к двери. Но у порога остановился и обернулся.

— Рита, — сказал он. — Ты знаешь Виталия Морозова? Второго почтальона?

Она задумалась.

— Нет. Я не знаю почтальонов. Только тебя. Мать говорила, что есть ещё один, но она его не любила. Говорила, что он слишком громкий и задаёт много вопросов.

Алексей кивнул, открыл дверь и вышел в коридор. Громкий и задаёт много вопросов. Виталий. Который сегодня был тихим и не задавал ни одного вопроса.

Он спустился по лестнице, вышел из общаги и посмотрел на часы. 13:47. У него было десять часов, чтобы найти ту бумагу, которую спрятала Валентина Павловна. Десять часов до того, как наступит 20 декабря.

И один день, чтобы спасти Сергея Зотова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.